

УДК 811.161.1-112

РЕФЛЕКСЫ ДИФТОНГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ В ЖИТИИ НИФОНТА 1222 г.

Т.О. Пономаренко

Аннотация

Статья посвящена вопросу о рефлексах дифтонгических сочетаний гласных с плавными в одном из древнейших ростовских памятников – Житии Нифонта 1222 г. Сопоставление выявленных в рукописи старославянских и древнерусских языковых особенностей помогает в воссоздании целостной картины развития древнерусского языка.

Ключевые слова: историческая фонетика, дифтонгическое сочетание, интонация, произношение, метатеза.

Данная статья посвящена исследованию рефлексов дифтонгических сочетаний гласных с плавными в одном из наиболее известных памятников древнерусского языка – Житии Нифонта Констанцкого (1222 г.) – переведенного с греческого жития, широко известного в древнерусских списках, занимающего одно из первых мест среди произведений, формирующих народные религиозные представления. Исследование было проведено по созданному в Ростове списку 1222 г.¹

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, той исключительной ролью, которую сыграл период создания этого списка – начало XIII в. – в развитии русского языка. При этом важно отметить, что если для истории русского языка (в частности, в области изучаемой нами фонетики) XIII в. является переломным моментом, то для истории орфографии его можно охарактеризовать как «период подготовки перелома» [1, с. 44]. В самом деле, многие из тех явлений, которые определяли характер русского правописания в последующую эпоху, были впервые отражены в памятниках XIII в., в частности в житии Нифонта.

Житие Нифонта, таким образом, представляет для нас особый интерес в плане сопоставления церковнославянских и древнерусских языковых особенностей. Анализ взаимодействия и борьбы устаревающих и инновационных языковых процессов в этом тексте помогает нам воссоздать целостную картину бытования и развития древнерусского языка.

Детального анализа заслуживают, прежде всего, представленные в тексте Жития рефлексы дифтонгических сочетаний гласных с плавными. В общеславянской фонетической системе в начале ее истории были сочетания гласных

---

¹ Российская государственная библиотека, собрание Троицко-Сергиевой лавры, шифр 35.

с плавными [r], [l]: *or, *ol, *er, *el, которые были получены этим языком из индоевропейского языка-основы и которые на протяжении развития праславянского языка подверглись различным изменениям в определенных фонетических условиях. При этом, попадая в положение перед гласным, плавный в этих сочетаниях отходил к следующему слогу, создавая открытость предыдущего. Но если такие сочетания оказывались в положении между согласными, то они являлись дифтонгическими, то есть произносились в пределах одного слога. Это обстоятельство привело к тому, что в результате действия закона открытого слога сочетания *or, *ol, *er, *el перед согласными изменялись, ибо так же, как дифтонги, оканчивающиеся на неслоговой элемент, они образовывали чуждый праславянскому языку закрытый слог. Однако устранение дифтонгических сочетаний гласных с плавными [r], [l] шло в диалектах праславянского языка не путем их монофтонгизации, а путем иных изменений, причем различных в разных этих диалектах. Эти различные пути объясняются разными причинами.

При объяснении этих причин выдвигались различные гипотезы. А.А. Шахматов полагал, что у восточных славян долгие сочетания типа *oŕ̄ в связи с утратой долготы и полудолготы плавных преобразовались путем развития за плавным гласного звука, со временем ассимилирующегося с гласной перед плавным [2, с. 146].

По мнению Ф.Ф. Фортунатова, долгие плавные в этих сочетаниях постепенно теряли долготу и слогаобразующий характер, в результате чего последние выделялись вторичные гласные o и e [3, с. 172–182].

Согласно А.М. Селищеву, дифтонгические сочетания *or и др. в положении между согласными были долгими, причем долгота их могла сосредотачиваться на гласном или на плавном согласном. В связи с этим в одних диалектах праславянского языка были сочетания *oŕ̄ r, *oŕ̄ l, *eŕ̄ l, *eŕ̄ l, а в других *oŕ̄ , *oŕ̄ , *eŕ̄ , *eŕ̄ . В силу различия долготы и краткости плавного судьба этих сочетаний дальше оказалась различной. В языке предков южных славян, где слоговой плавный оказался кратким, слоговость плавного не удержалась, и он отошел к предыдущему слогу. Это вызвало перестановку артикуляции гласного и плавного: *tart > trat, *talt > tlat, *tërt > trët, *tëlt > tlët. В языке же предков восточных и западных славян, где слоговой плавный был долгим, стал развиваться вторичный гласный, подобный гласному перед плавным. Впоследствии этот вторичный гласный стал звуком полного образования, а гласный перед плавным утратился в языке западных славян и сохранился у восточных. В древнерусский период различие в рефлексах групп типа *tort носит стилистический характер, дифференцируя книжный и разговорный язык (см. [4, с. 168–170]).

В тексте Жития рефлексы этой группы представляют собой преимущественно старославянскую огласовку. Именно тексты подобного рода и способствовали освоению и закреплению в древнерусской речи старославянских (и шире – южнославянских, поскольку сербская письменность тоже влияла на книжный язык) рефлексов; их последовательное воспроизведение может свидетельствовать о проникновении в разговорный язык:

*tort: *хранителї* (342/7), *срамѣна* (343/15), *градѣи* (343/15), *кѣра|гѣи* (344/8), *окѣра|тѣи* (345/33), *кѣратомѣ* (300/20), *праха* (269/29), *кѣра|нѣ* (358/31), *изѣхрама* (363/30), *стража* (329/28), *пре|кѣратити* (369/7);

*tolt: *сладостї* (318/33), *младенци* (354/31), *сласти* (358/24), *класти* (334/2), *гладомѣ* (256/11), *гладоу* (261/31), *младенѣцѣ* (274/3), *безѣкласѣ* (327/5), *класч|хоутѣ* (277/15), *кѣзглад|снстѣ* (346/17), *злато* (297/18);

*tert: *жрѣ|кѣи* (351/20), *кѣкрѣ|ци* (294/16), *кѣрѣ|жетѣ* (354/14), *некрѣ|гомї* (356/12), *дрѣ|кѣ* (346/22), *кѣрѣ|доу* (351/14);

*telt (представлен лишь один пример): *плѣ|кѣи* (sic) (378/14).

В рукописи обнаружен только один пример, отражающий древнерусскую огласовку: *и се | парѣхоу анѣ|гли около го|локѣи стѣла* (339/16).

Однако для рукописи характерны следующие написания, при которых рефлекс *er представлен неполногласным сочетанием с *ε* вместо *k: *кѣра* (267/25), *кѣси некрѣ|гоутѣ монѣхѣ | чѣтѣнѣхѣ слокѣсѣ* (354/13), *и придетѣ кѣрѣ|мѣ* (360/30), *кѣременѣ* (369/33), *кѣзѣ кѣрѣдѣ* (260/12), *и постѣки | кѣ предѣ соко|ю* (357/8) и т. д.

Объясняя подобное написание, исследователи выдвигали различные точки зрения. Так, Н.Н. Дурново утверждал, что замена *k на *ε* обусловлена не «совпадением этих звуков в живом языке», а передачей «церковного, отличного от живого и основанного на южнославянском произношении *k, совпавшего с *ε* в результате отвердения *ρ*». При этом под отвердением *ρ* Н.Н. Дурново понимает преобразование так называемого палатального («исконно мягкого») [ř] в ден-тальное [r] (см. [5, с. 479–481]).

А.И. Соболевский связывал замену -*ρk*- на -*ρε*- со взаимодействием южнославянских неполногласных и восточнославянских полногласных форм: «Русские слова как-бы с польским сочетанием звуков в роде *брегъ, вредъ, время* – заимствования из церковно-славянского языка (с *ε* вм. ц.-слав. *k, под влиянием русского *ε* в *берегъ* и т. п.)» [6, с. 23–24].

Современные ученые также не пришли к единой точке зрения по данному вопросу. Так, по мнению В.В. Колесова, подобное написание отражало начальный этап формирования полногласия: «В ранних русских рукописях различные стадии формирования полногласия выразительно представлены передачей < *o, ε* > только на месте одного из корневых гласных, именно подударного» [7, с. 73].

В.М. Живов, критикуя гипотезы Н.Н. Дурново, развивает идею А.И. Соболевского о взаимодействии южнославянских и восточнославянских форм. По мнению В.М. Живова, при выборе между *k и *ε* писец «проверял слово *кѣрѣгѣ*, находил в своем разговорном произношении [ε] и писал *кѣрегѣ*, и эта проверка была ключевым моментом в преобразовании церковнославянской нормы в правописание неполногласных сочетаний с *ρk*». Выбирая между *k и *ε* в словах типа *млѣ|кѣ* и *плѣ|кѣи*, писец, обращаясь к своему разговорному произношению, «находил там только *молоко* и *полонь*, так что его запрос оставался без ответа»,

что и стало причиной появления вариативности в написании **ѣ** и **е** в формах данного типа (см. [8, с. 196–197]).

Следует, однако, отметить, что в тексте исследуемой рукописи рефлекс *er лишь изредка представлен неполногласным сочетанием с **е** (напр.: **кѣзѣ крѣда** (260/12)), в основном же преобладает традиционное старославянское сочетание с **ѣ** (напр.: **крѣ|доу** (351/14)).

Особого внимания заслуживают представленные в Житии Нифонта рефлекс праславянских групп *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt, *tʏlt. В исследуемой рукописи они часто передаются как **тѣрѣт**, **тѣрѣт**, **тѣлѣт**. По поводу таких двуеровых написаний существуют противоположные мнения. Одни исследователи (И.В. Ягич, А.А. Шахматов, С.П. Обнорский и др.) видели в двуеровых написаниях контаминацию графического приема старославянских написаний с редуцированным после плавного и живого русского произношения. Другие (А.Х. Востоков, А.А. Потебня, А.И. Соболевский и др.) считали, что это отражение существовавшего в живой речи восточных славян так называемого «второго полногласия» (термин А.А. Потебни).

Однако один из исследователей Жития Нифонта П.О. Потапов отвергает идею о втором полногласии в качестве объяснения двуеровых написаний в данной рукописи (см. [9, с. 8–9]). Ученый опирается на тот факт, что обычно подобное написание в тексте встречается там, где необходимо было перенести слово на следующую строку, оставив на конце предыдущей строки букву **р** или **л**. Как это видно из рукописи, писец на конце первой строки, которая, таким образом, лишалась гласного, приписывал к этим буквам **ѣ** или **л**. По мнению П.О. Потапова, именно поэтому в обозначенных примерах группы *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt, *tʏlt, которые должны были дать сочетания **тѣрт**, **тѣрт**, **тѣлт**, обретали такое графическое оформление: **тѣрѣ-т**, **тѣлѣ-т** и т. д. Например: **стѣлпѣ великѣ** и **бѣрѣ-хоу** **кѣ** не бѣше никогоже (267/18), но: и **сѣ великѣмѣ трѣдѣмѣ до бѣрѣ** долѣзѣ (267/21); **динаколоу** же зѣло **скѣрѣ-бѣшю** глѣше **кѣмоу** (253/8), но: того **дѣлѣ** члѣка **скѣрѣ**ше тако (277/29); **огнѣноѣ** родѣство како **можешѣ** **сѣтѣрѣ-пѣти** (253/31), но: **понеже** **малѣна** **сѣя** **болѣзни** не **тѣрпѣши** (253/30) и т. д.

Однако гипотеза П.О. Потапова представляется весьма спорной с учетом того, что, помимо перечисленных примеров с переносом, в тексте рукописи встречаются сочетания типа **тѣрѣт** и **тѣлѣт** и в других случаях (не при переносе слов), напр.: **рече** **млѣткоу** | **тѣкоу** и **оузрѣ** | **то** **скѣрѣ**шѣше**л** (346/7), **шкѣрѣ**блѣноу **моѣ** **чѣдо** (270/7), **кѣлѣхѣ** | **дѣрѣ** **прѣно**сѣ**шѣ** (274/4). Кроме того, в словах с переносом, наряду с графическим оформлением типа **тѣрѣ-т**, встречается и оформление типа **тѣ-рт** (напр.: **бѣ-рѣ**хоу (274/2), **сѣ-рѣ**чѣна**я** (279/15), **испѣ-лѣ**нѣ (270/23) и т. д.), и спорадически – **тѣ-рѣт** (**скѣ-рѣ**блѣ**нѣ**мѣ (278/19)).

Более обоснованной, на наш взгляд, является гипотеза В.М. Маркова, суть которой сводится к следующему. Восточнославянский рефлекс имел два типа орфограмм – одноеровый и двуеровый. Первый не отражал вставочную глас-

ность, а второй отражал, указывая на развитие второго полногласия. Вставочные гласные первоначально не имели фонологического статуса, чем и объясняется их непоследовательное употребление [10, с. 86].

Далее обратимся к преобразованиям в группах типа *ort, *olt, которые, как известно, в славянских языках связаны с типом праславянской интонации на слоге.

В исследуемой рукописи обнаружены следующие примеры, представляющие реализацию праславянских сочетаний *ort, *olt.

а) Изменение под акутовой интонацией в виде метатезы с удлинением, свойственное всем славянским диалектам: неса^ах^оу | на рам^ак^а. пре^ак^алика кре^амена (369/29).

б) Изменение под интонацией нового акута или циркумфлекса в виде метатезы с удлинением в группе *ort (свойственное старославянскому языку): расо^аужа^ак^ам^а (357/34), ра^ажда^ажени^ак^ам^а (256/24), ра^азо^ау^ам^ам^а (258/17), расла^абл^ак^ал^ана (324/13), по^ара^ако^аща^аю^ащи (371/29), ра^ак^ал^ан^а (281/24). Случаев древнерусской огласовки данной группы в рукописи не обнаружено.

в) Группа *olt представлена в рукописи старославянским удлинением без метатезы (метатеза не происходила из-за развития гласной вставки после плавного): ал^ач^аща^а (378/16), ал^ак^ати (256/29), ал^ач^ат^а (257/2), ал^ач^а (301/15). Древнерусская огласовка данной группы в рукописи также не обнаружена.

В тексте Жития нами была обнаружена только старославянская огласовка групп *ort, *olt. Учитывая достаточно раннюю датировку рукописи (1222 г.), можно предположить, что древнерусская огласовка еще не укоренилась в языке этого периода. Однако, скорее всего, присутствие этой огласовки свидетельствует об освоении южнославянских рефлексов и в разговорном языке восточных славян, не говоря уже о том, что она воспринималась писцами как неотъемлемая принадлежность книжного языка.

Таким образом, на материале Жития интересно проследить отбор языковых средств. В отношении рефлексов сочетаний *tort, *ort последовательно выдерживается старославянская традиция. В отношении *tʔrt выдерживаются древнерусские рефлексы. Распределение старославянских и древнерусских рефлексов в тексте исследуемой рукописи позволяет сделать вывод, что наличие вариантов не обусловлено стилистическими причинами, так как содержащие их контексты стилистически вполне однородны. При этом следует отметить, что для эпохи, к которой принадлежит исследуемая рукопись, вариативность является нормой.

Однако в целом можно отметить преобладание старославянских рефлексов, что во многом объясняется книжным характером памятника, поскольку исследуемый нами список был сделан на Руси со среднеболгарской рукописи. Кроме того, необходимо учитывать, что XII – XIII вв. с их бурными языковыми процессами не могли не привести к отставанию правописания от произношения. Текст жития Нифонта полностью подтверждает этот факт.

Summary

T.O. Ponomarenko. The Reflexes of Diphthong Combinations of Vowels with Liquid Consonants in The Life of St. Nifont of 1222.

This article regards the reflexes of diphthong combinations of vowels with liquid consonants in one of the oldest Rostov's writing texts, namely The Life of St. Nifont of 1222. The comparison of old Slavic and old Russian language specifics represented in this manuscript helps to reconstruct the holistic situation of the Russian language development.

Key words: historical phonetics, diphthong combination, intonation, pronunciation, metathesis.

Литература

1. *Осипов Б.И.* История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 253 с.
2. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. – Пг., 1915. – Вып. 7. – С. 55–162.
3. *Фортунатов Ф.Ф.* Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1957. – Т. 2. – 471 с.
4. *Селищев А.М.* Введение. Фонетика // Селищев А.М. Старославянский язык. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1951. – Ч. I. – 334 с.
5. *Дурново Н.Н.* Славянское правописание X–XII вв. // Дурново Н.Н. Избранные труды по истории русского языка. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 479–481.
6. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка // Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Ч. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 1–247.
7. *Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка. – М.: Высш. шк., 1980. – 215 с.
8. *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.
9. *Потапов П.О.* Де-кілька слів про значіння текстів Життя Нифонта. – Одесса: ODESSA, 1928. – С. 1–15.
10. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 280 с.

Поступила в редакцию
10.11.08

Пономаренко Татьяна Олеговна – аспирант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: tanya_krivova@mail.ru